

АВТОРСКИЕ ИНТЕНЦИИ В «МЕМУАРАХ» МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МОНПАНСЬЕ

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Поступила в редакцию 12 октября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена анализу авторских интенций в мемуарах *Мадемуазель де Монпансье*, их зависимости от исторических событий, высокого аристократического статуса и личной драмы самой мемуаристки.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, авторские интенции, *Мадемуазель де Монпансье*.

Abstract: the article analyses the author's intentions in the memoirs of *Mademoiselle de Montpensier*, based on historical events, high aristocratic status and personal drama of memoirists

Key words: memoirs, XVII-th century French Literature, author's intentions, *Mademoiselle de Montpensier*.

Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье (1627–1693), была одной из легендарных фигур своего времени. Внучка Генриха IV, племянница Людовика XIII, кузина Людовика XIV, она носила титул Старшей Мадемуазель (*La Grande Mademoiselle*), отражавший ее положение в королевской семье. С именем герцогини связаны два широко известных факта. Первый имеет отношение к ее роли в событиях Фронды, когда Мадемуазель осмелилась встать на сторону принца Конде и приказала стрелять из пушек по армии короля. Второй касается личной жизни самой завидной невесты Европы, которая отвергла все блестящие брачные партии, а в сорок с лишним лет полюбила графа де Лозена и безуспешно пыталась устроить свою личную жизнь.

Лучшим свидетельством удивительной судьбы Анны-Марии-Луизы Орлеанской стали ее «Мемуары». Впервые они были опубликованы в 1717 году без указания места и даты, в неполном виде и с изрядным количеством ошибок. Второе издание было выпущено Лебретоном в Париже в 1728 году, а затем «Мемуары» появились еще в нескольких французских городах (Руане, Авиньоне, Тулузе). Все переиздания XVIII – первой половины XIX веков, вышедшие как во Франции, так и за ее пределами (Голландия, Англия), не отвечали в полной мере оригинальной рукописи. Самое авторитетное издание было осуществлено А. Шерьюэлем в 1858–1859 годах. Оно легло в основу современной версии «Мемуаров», подготовленной К. Буйером, которая будет использоваться в статье. Ее целью является попытка проанализировать авторские интенции Мадемуазель де Монпансье.

«Мемуары» представляют собой довольно объемный труд, создававшийся на протяжении почти сорока лет. Герцогиня де Монпансье приступила

к нему в начале 1653 года и, работая над рукописью с перерывами вплоть до конца десятилетия, описала свою жизнь до 1659 года. Затем последовал семнадцатилетний перерыв, закончившийся лишь в 1677 году. На этом этапе в течение примерно года были воссозданы события с 1659 по 1676 год. Завершающая стадия создания книги началась спустя еще десять с лишним лет в 1689–1690 годах, когда Мадемуазель довела прерванное повествование до 1686 года. Таким образом, в работе над мемуарами отчетливо выделяются три периода. Они позволяют разделить книгу на условные три части и увидеть, как менялись авторские интенции.

Длительный процесс работы над рукописью во многом объясняется перипетиями судьбы мемуаристки. Она взялась за перо в то время, когда по приказу короля была вынуждена отправиться в свой замок Сен-Фаржо и провела пять лет в изгнании за поддержку фрондеров. «Как и многим участникам Фронды – кардиналу де Рецу, герцогу де Ларошфуку, герцогине Немурской и целому ряду других, – ей хотелось объяснить свой образ действий и изложить свою версию исторических событий» [1, 328]. Обращение к жанру мемуаров, последовавшее вскоре после прибытия герцогини в ее владения, показывает, что потребность лично рассказать о недавнем прошлом была в ней довольно сильной и стала серьезным стимулом для мемуаротворчества. По словам французского исследователя Ж. Гарапона, она хотела «утвердить свою идентичность посредством письма и таким окольным путем вновь обрести прошлое, одновременно близкое и далекое» [2, 104]. Не удивительно, что в первой части, охватывающей свыше пяти сотен страниц, из тридцати двух лет жизни мемуаристки с наибольшей степенью подробности описан 1652 год, когда она активно включилась в гражданское противостояние. На момент начала работы над рукописью интенции

Мадемуазель определялись желанием очертить ее персональную роль в событиях Фронды.

В мемуарах она показывает несправедливость гонений, которым была подвергнута со стороны французского двора, и стремится создать положительный образ собственной личности, что сближает ее авторские интенции с другими мемуаристами XVII века. Ее «текст приобретает значение реванша, ответа на запугивание» [2, 104]. Особенностью мемуаров герцогини становится отсутствие оправдательной интонации. Для нее высокий ранг члена королевской семьи априори служит гарантией верного служения интересам монархии, которое не может быть подвергнуто сомнению никем, включая Людовика XIV. Даже неоднозначные в глазах двора действия Мадемуазель по защите сторонников принца Конде летом 1652 года, изображаются как следствие благородных намерений и не нуждаются в глазах автора в оправданиях. Мемуаристка объясняет мотивы своих поступков, но не сомневается в их правильности и всегда сохраняет чувство собственного достоинства.

Помимо исторической подоплеки, интенции Мадемуазель определялись и социальными мотивами. В Сен-Фаржо она оказалась в непривычной для члена королевской семьи ситуации непубличного существования. С констатации этого нового для себя положения она начинает мемуары: «Прежде я с трудом могла представить, как человек, привыкший к придворной жизни и, подобно мне, предназначенный для нее по своему рождению, может чувствовать себя в порядке, когда его существование ограничено пределами деревни, поскольку мне всегда казалось, что ничто не может развлечь в таком вынужденном удалении и что быть за пределами двора для знатных особ равнозначно полному одиночеству, несмотря на множество домочадцев и общество тех, кто их навещает. Однако с тех пор, как я оказалась в своих владениях, я испытываю сладостное чувство от того, что воспоминание обо всем, что произошло в жизни, приятно занимает меня и дает возможность не считать время в уединении <...>» [3, 1: 21]. Длительное пребывание вдали от королевского двора, невыносимое, с точки зрения общепринятых представлений придворной аристократии, неожиданно открывает новые возможности. Как и другие мемуаристы, Мадемуазель обнаруживает, что запись воспоминаний позволяет ей заполнить свободное время и скрасить период изгнания увлекательным занятием.

Отношение к мемуаротворчеству как приятному способу проведения досуга не ослабевает на протяжении всего периода работы. Вернувшись к тексту мемуаров в 1677 году, она прямо говорит о том, что развлекается, читая рукопись. В дальнейшем эта мысль получает более развернутое воплощение. По словам Мадемуазель, мемуары пишутся «только для

того, чтобы развлечься, когда я стану старой, <...> чтобы напомнить мне о моей молодости: это разновидность удовольствия <...>» [3, 2: 244]. Новая форма наслаждения связывается, таким образом, не только с настоящим, но и проецируется в будущее. Постепенно удовольствие от чтения дополняется наслаждением от письма. Мемуаристка демонстрирует свою увлеченность творческим процессом: «Моя голова наполнена таким количеством вещей, о которых мне хочется рассказать, что это заставит меня забыть о многом, что могло бы развлечь читателя, но мне самой будет не так приятно описать» [3, 2: 112]. В случае с Мадемуазель мемуаротворчество из приятного и любимого занятия «быстро становится страстью» [2, 104].

Об отношении к мемуарам как приятному способу проведения досуга можно судить и по тем конкретным обстоятельствам, которые подвигли герцогиню взяться за жизнеописание. Свой поступок она объясняет влиянием ближайшего окружения, а именно графини Фиески, супругов де Фронтенак, секретаря Префонтена, то есть именно тех людей, которые сопровождали ее в изгнании. Мемуаристка утверждает, что без влияния извне «сама никогда бы не смогла решиться» [3, 1: 21] на подобный шаг. Вспоминая о прошлом, она не только хотела скрасить свое изгнание, но и развлечь друзей. Мемуары словно бы фиксируют на бумаге те монологи, которые действительно вполне могли звучать в замке Сен-Фаржо.

Об изначальной направленности мемуаров на приближенных герцогини указывают обращения в форме второго лица множественного числа («вы можете заметить» [3, 1: 66]; «вы увидите» [3, 1: 91]; «вы можете судить» [3, 1: 323] и т. д.). Их количество существенно выше в первой части книги. После возобновления рукописи в 1677 году обращения практически исчезают. Автор все чаще акцентирует мысль о том, что записывает воспоминания «только для себя» [3, 2: 109; 2: 190; 2, 442]. Личная драма и нарастающее чувство одиночества приводит к изменению авторских интенций. Герцогиня де Монпансье довольно скоро перестает ориентироваться на свое окружение: «<...> возможно, их [мемуары. – С. П.] никто никогда не увидит, по крайней мере, пока я жива» [3, 1: 148]. Не рассчитывая сделать рукопись доступной современникам, она все же не исключает возможности ее публикации в будущем. Адресат ее мемуаров постепенно меняется. На место близких людей, знакомых с биографией Мадемуазель, приходит неизвестный и далекий читатель, который «не жил в эти времена или не знает о них [об обстоятельствах. – С. П.]» [3, 2: 366]. Речь идет о потомках, для которых ее жизнеописание будет значимым и позволит составить более полное представление о прошлом. В этом мемуаристка не сомневается, так как по рождению ощущает себя неотъемлемой частью истории.

Присутствие в сознании Мадемуазель образа имплицитного читателя подтверждают пояснения, касающиеся текста. Она говорит о нежелании оттачивать свою манеру письма («я не буду стремиться их [мемуары. – С. П.] исправить» [3, 1: 148]; «все будет, как получится» [3, 2: 190]; «не важно, что они [мемуары. – С. П.] не будут ни учтивыми, ни точными» [3, 2: 244]), о нарушении временной последовательности («часто я ухожу в сторону от событий, о которых начала рассказывать» [3, 2: 366]; «я забыла описать события в то время, когда они произошли» [3, 2: 389]), возвращается к пропущенным ранее фактам [3, 2: 334; 2: 354; 2: 393 и т. д.]. Анаlepsисы нередко вводятся с помощью повествовательных конструкций, в которых автор указывает на хронологические сбои, например: «Это место вызвало в моей памяти воспоминания о событиях, произошедших в Тулузе <...> до свадьбы короля» [3, 2: 199]. Более того, в тексте есть пропуски, наличие которых мемуаристка объясняет просто нежеланием приложить усилия: «<...> я не буду утруждать себя тем, чтобы искать ее [дату. – С. П.] в своей памяти или в книгах» [3, 2: 110]. Приведенные примеры свидетельствуют о непрофессиональном характере литературного творчества Мадемуазель. Она сама прекрасно осознает, что для аристократки, тем более принцессы крови, писательская деятельность не приемлема: «Я сказала, что пишу только для себя; я не утруждаю себя ни тем, чтобы располагать точно во времени то, что произошло, ни тем, чтобы строго придерживаться порядка: одно утомляет мою память, второе утруждает, – а я не претендую на то, чтобы быть автором, не обладая для этого достаточными умениями, и мне это совсем не подобает» [3, 2: 190].

Декларируемое равнодушие к разного рода стилистическим и композиционным погрешностям проливает свет и на намерения мемуаристки в отношении будущей судьбы рукописи. На первый взгляд, оно доказывает нежелание герцогини ее публиковать. Но в действительности такого рода примеры, скорее всего, свидетельствуют об обратном. Как пишет Э. Лен-Жаффо, «парадокс, однако, заключается в том, что ее уверения в небрежном письме восстанавливают адресата <...> даже в тех местах, где убеждают в его отсутствии» [4, 34]. Происходит это потому, что рассуждения о качестве текста имеют смысл только в том случае, если автор предполагает возможную реакцию на книгу со стороны потенциального читателя и пытается определенным образом его настроить.

Это стремление реализуется в тексте напрямую, а именно, посредством четкого определения задачи, которую ставит перед собой мемуаристка. Уже на первой странице книги она формулирует ее следующим образом: «Итак, я изложу здесь все, что могла заметить с детства и до настоящего времени» [3,

1: 21]. И далее: «<...> вспомнить обо всем, что я видела, так же как и о том, что со мной произошло» [3, 1: 21]. Мадемуазель сразу делает себя главным объектом изображения. Она рассказывает о событиях своей жизни, не претендуя на повновесное изображение временного отрезка, описанного в мемуарах. Последующие уточнения еще больше проясняют, какой именно жизненный материал попадает в поле зрения автора: «Я не буду рассказывать в деталях о вещах, которые не видела сама, и о которых не знаю лично» [3, 1: 314]; «я буду останавливаться только на том, что касается меня <...> или может быть известно только мне одной» [3, 2: 110]. Герцогиня де Монпансье строит свои мемуары на основе собственных уникальных знаний, не доступных никому другому. Этим определяется ценность ее свидетельства о себе, а также о жизни французского двора второй половины XVII века. Она сознательно оставляет за пределами книги все, что полагает общеизвестным или легко доступным. Специальные оговорки на этот счет встречаются в мемуарах несколько раз. Так, она не распространяется по поводу «Письма короля о тюремном заключении принцев де Конде, де Конти и герцога де Лонгвиля» [3, 1: 126], потому что оно было опубликовано в печати, кратко сообщает об аресте Николая Фуке, «столь известном и столько раз обрисованном в исторических трудах и всех современных мемуарах» [3, 2: 180], отсылает читателя к печатным источникам за подробностями праздника в Тюильри [3, 2: 191] и т. д.

Мадемуазель неоднократно дает понять, что общеизвестная и растиражированная информация содержится в сочинениях историков, от которых она резко дистанцируется [3, 1: 55; 1: 63; 2: 144; 2: 391]. Достоверность эксклюзивных фактов, которые приводит герцогиня, обеспечивает ее память. Начиная с первой страницы, она выражает надежду на то, что «счастливая память, которой наделил Бог, не позволит ускользнуть тому, что [она – С.П.] знает» [3, 1: 21]. В той части книги, которая была написана до 1659 года, Мадемуазель несколько раз напоминает о своей прекрасной памяти [3, 1: 158; 1: 370]. Особе ее ранга такого рода указаний достаточно для подтверждения правдивости рассказа, важной в произведениях мемуарного жанра. При этом, в отличие от большинства мемуаристов, герцогиня де Монпансье не пытается убедить в своей искренности и настаивает только на хорошей памяти. В случае с принцессой крови правдивость ее рассказа просто не может быть поставлена под сомнение, так же как и другие благородные качества членов королевской семьи.

Память позволяет Мадемуазель точно воспроизводить прошлое, но по мере работы над мемуарами объем зафиксированного жизненного материала постепенно уменьшается. Она сосредотачивается на своих чувствах к Лозену, посвящая только одному

1670 году, кульминационному в развития их любовной истории, примерно одну пятую текста из общего четырехсотстраничного объема второй и третьей частей. На последнем этапе работы над рукописью она все меньше заботится о том, что пропускает какие-то события или излагает их непоследовательно, даже позволяет себе повторы [3, 2: 388; 2: 451]. Мадемуазель углубляется в свои переживания, вызванные крушением надежд на брак с Лозеном, разладом с королем и – шире – неосуществившейся мечтой о блестящем положении. Третья часть мемуаров подтверждает справедливость ее оценки свойств памяти, подточенной перенесенными страданиями: «Совершенно точно, что постоянная немилость и причиняемые ею печали способны ослабить память, какой бы хорошей она ни была <...>» [3, 1: 370]. На последних ста страницах заметно возрастает число фраз, в которых речь идет о ненадежной работе памяти («в это время произошло столько всего, что я уже точно не помню» [3, 2: 295]; «я забыла сказать, что...» [3, 2: 354]; «я забыла тысячу вещей, о которых вспоминаю сейчас» [3, 2: 381] и т. д.). Мемуаристка и сама отдает себе отчет в том, что часто пишет о своей забывчивости: «Я забыла (и я часто говорила об этом, хотя не очень-то прилично об этом часто повторять, но я пишу для себя, а вовсе не для того, чтобы меня принялись хвалить или говорили, что я пишу лучше всех)» ([3, 2: 441–442]. Трансформация категории памяти показывает, что мемуары имеют глубоко индивидуальный характер, их содержание определяется не событийной канвой, а логикой развития личности автора.

*Саратовский государственный университет им.
Н. Г. Чернышевского*

*Павлова С. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы и журналистики*

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

Итак, изначально авторские интенции Мадемуазель де Монпансье определялись историческими перипетиями и были во многом схожи с задачами других мемуаристов-фрондеров. Она сознательно дистанцировалась от всех видов профессиональной деятельности, связанной со словом, будь то труд историков или литераторов. И все же намерения герцогини выходили за пределы эксплицированной в тексте идеи удовольствия. Сам факт столь длительной работы над рукописью показывает, что мемуаротворчество было для нее не только плодом досуга, но и серьезным занятием. Начав с попытки показать свою роль в событиях Фронды, Мадемуазель пришла к необходимости целостно взглянуть на свою жизнь, осмыслить минувшее и убедиться в том, что ее действия всегда соответствовали высокому статусу представительницы королевской семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV / М. С. Неклюдова. – М.: ОГИ, 2008. – 440 с.
2. Garapon J. La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627-1693) / J. Garapon. – Paris: Honoré Champion, 2003. – 444 с.
3. Mademoiselle de Montpensier. Mémoires: en 2 t. / Préface de C. Bouyer / Montpensier Mademoiselle de. – Paris: Librairie Fontaine. 1985.
4. Lesne-Jaffro E. Les Mémoires et leurs destinataires dans la seconde moitié du XVIIe siècle / E. Lesne-Jaffro // Le Genre des mémoires. Essai de définition. Colloque international des 4-7 mai 1994. à Strasbourg. – Paris: Klincksieck, 1995. – С. 27–44.

Saratov State University

*Pavlova S. Y., Candidate of Philology, Associate Professor of
Foreign Literature and Journalism Department*

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru